

ЛИТЕРАТУРА

1. *Murray, R.* Prospects for innovation in the co-operative economy / R. Murray. – Manchester : Ed Mayo (ed.) Co-operative Advantage, 2015. – 271 p.
2. *Хейзинга, Й.* Homo ludens в тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992. – 464 с.
3. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с
4. *Zichermann, G.* Game-Based Marketing: Inspire Customer Loyalty Through Rewards, Challenges, and Contests / G. Zichermann. – John Wiley & Sons Ltd, 2010. – 306 p.
5. Геймификация в бизнесе: маркетинговый инструмент будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://blog.molodost.bz/advanced/gejmi-fikaciya/>. – Дата доступа : 20.01.2020.
6. *Lyubomirsky, S.* The How of Happiness: A Scientific Approach to Getting the Life You Want / S. Lyubomirsky. – USA : Penguin, 2007. – 384 p.
7. *Новикова, О.* Игроизация бытия человека, или Всевластие игрового праксиса / О. Новикова // Социум и власть. – 2019. – № 2 (76). – С. 18–26.
8. *Bühl, A.* Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter / A. Bühl. – Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 2000. – 526 S.
9. *Deuze, M.* Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture / M. Deuze // The Information Society. – 2006. – 22 (2). – P. 63–75.
10. *Lindgaard, S.* Social Media for Corporate Innovators and Entrepreneurs : Add Power to Your Innovation Efforts / S. Lindgaard. – Kindle Ed., 2012. – 130 p.
11. *McGonigal, J.* Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World / J. McGonigal. – N. Y. : The Penguin Press, 2011. – 416 p.
12. *Thompson, M.* Playing with the Rules of the Game: Social Innovation for Urban Transformation [Электронный ресурс] / M. Thompson. – Режим доступа : <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14682427/2019/43/6>. – Дата доступа : 21.01.2020.

Поступила в редакцию 18.03.2020

Н. Г. Севостьянова

«РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕСТЬ ЕДИНСТВО ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ»

В статье рассмотрены предметный статус и существенные характеристики русской философии как феномена мировой интеллектуальной культуры, отмеченного идейным и концептуальным своеобразием. Предметность русской философии определяется взаимодействием трех направлений русскоязычной философии как русской, российской, белорусской, а также философии русского зарубежья. Основными характеристиками русскоязычной философии выступают: онтологизм как «смыслоискание»; религиозность и соборность; антропологизм моральной философии; историософия, мессианство и эсха-

тологизм; патриотизм и идеологизм; социальность и поиск справедливости; эстетизм и литературоцентризм; творческий характер заимствований идей западных мыслителей и оригинальность.

«Русская философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [1, т. 1, с. 16]. Это суждение выдающегося историка русской философии В. В. Зеньковского (1881–1962) в полной мере отражает суть русскоязычного умозрения, рассмотрению основных характеристик которого посвящена статья.

Сегодня познавательный интерес к русской философии определяется не только ее самобытностью и уникальностью, но и теми социокультурными процессами бытия, которые показывают его разнообразие, нестабильность и кризисный характер. «Единая духовная купель» восточнославянских народов трансформировалась в современном геополитическом и геокультурном пространстве. Русскоязычная интеллектуальная культура в условиях глобализации и интеграции мирового сообщества, а также его альтерглобализации и деглобализации находится в поиске новых стратегий развития. Парадигма единения Беларуси и России и перспектива формирования малой евразийской интеллектуальной культуры также показывают актуальность системного изучения русскоязычной философии.

Цель данной статьи – обозначить предметность и существенные характеристики русской философии в контексте мировой интеллектуальной культуры.

Предварительные терминологические разъяснения сводятся к следующему. *Отечественное* в широком смысле этого слова означает первичное восточнославянское (русское, белорусское, украинское) единство от времен Киевской Руси X в. до XVIII в. петровской европеизации, а также последующее символическое восточнославянское русскоязычное единство вплоть до 2014 г. социально-политических событий в независимой Украине. Современный широкий смысл отечественного раскрывает историко-культурное единство Беларуси и России. Узкий смысл термина *отечественное* показывает белорусское, этнонационально дифференцированное начало и историческое развитие родной культуры.

Традиция интерпретирована как универсальная форма систематизации, статусного закрепления, охранения и преемственной трансляции социокультурного опыта. Отечественная культурная традиция означает первичное этническое единство белорусского, русского, украинского народов, духовно скрепленное православием («языченным христианством»), а социально – идеей «русскости». Ее трансформация в «российскость» после присоединения к России Украины в 1654 г., Беларуси в 1795 г., после петровской европеизации и секуляризации начала XVIII в. совпала с процессами этнонационального самоопределения и поликонфессиональной спецификой.

Обширная *отечественная историография* русской философии опирается на труды В. В. Зеньковского [1], Н. О. Лосского [2], А. Ф. Замалева

[3]. Значительный интерес к русской философии на Западе является свидетельством того, что ее ценности заняли определенное место в мировой интеллектуальной культуре [4, с. 11–20].

Философия (научная и софийная) как форма духовной культуры имеет поливалентный характер в отечественной *русскоязычной* традиции и предметно развивается как *русская* (морально-религиозная по сути), *российская* (научная в своих социальных, политических, методологических интенциях) и *белорусская*, переплетенная с ними. Проводится мысль, что русская философия вырастает из духовно-нравственного опыта, который концентрируется в творчестве религиозных мыслителей, таких как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Моральная философия выражает суть отечественного умозрения на каждом из этапов его развития.

Современные исследователи русской философии подчеркивают, что она объединяет в одно целое весьма различные, подчас противоположные, заостренные друг против друга идеи и концепции. Но «у философии не один, а несколько корней, и все ее своеобразие именно этим и определяется» [1, т. 1, с. 16].

Русская философия – пласт мировой интеллектуальной культуры, отмеченный идейным и концептуальным своеобразием. Феномен интеллектуальной культуры братских восточнославянских народов, русская философия несет в себе научное и вненаучное (софийное, литературно-художественное, религиозное и внерелигиозное) содержание, которое раскрывается в системе знаний о фундаментальных законах и принципах бытия человека в его отношениях к природе и культуре, обществу и личности, самому себе, духовности.

Открытый вопрос о предметном статусе русской философии в отечественной интеллектуальной культуре традиционно рассматривается посредством выделения «сквозных линий» развития *русскоязычной* философии восточных славян как философии русской (в том числе русского зарубежья), российской и белорусской, а до недавнего времени и украинской.

Русская философия, религиозная по сути, возникла вместе с христианизацией Руси в X в. и обретением ею государственности, письменности, книжности, церковности. Иначе называется отечественным *любомудрием*, т.е. философией, так и не достигшей профессионального, системного уровня развития. Русская философия пережила духовный ренессанс в начале XX в., но была прервана в 1922 г. депортацией инакомыслящих религиозных философов за пределы советской России. Сохранилась в условиях русского зарубежья и вернулась на родину в 90-е годы XX в. Сегодня происходит возрождение «самобытно-русской философии» как моральной и духовно-религиозной.

Российская философия, научная по сути, возникла в XVIII в. Европейского Просвещения, наследовала марксизм; в советский период истории развивалась как марксистско-ленинская философия, тождественная идеологии; в настоящее время составляет основу образовательных стандартов по философии в Республике Беларусь.

Философия Беларуси переплетена в своем происхождении и развитии как с русской, так и с российской философией, наряду с бытием самобытной, белорусскоязычной философии.

Отечественная философия исторически подвержена *трем* основным влияниям. Это рецепции 1) восточно-западная (византийская и афоно-византийская как исихазм, южнославянская как болгаро-византийская); 2) западно-европейская (германская и польская в контексте Реформации и контрреформации, французская эпоха Просвещения, германская как марксизм); 3) евразийская.

Бесспорно, процесс заимствований в отечественной философии всегда имел творческий характер и отличался «*новомыслием*». В принципе «понятие влияние может быть применимо лишь там, где имеется доля самостоятельности и оригинальности – нельзя же влиять на пустое место» [1, т. 1, с. 21].

Характерно и то, что развитие русскоязычной философии всегда наталкивалось на сопротивление официальных властей: религиозно-мистического со стороны церкви, реалистического – со стороны церкви и государства. Поэтому в русской философии представлены различные формы секуляризма. Точнее, внутренняя секуляризация лежит в фундаменте русской религиозной философии; внешняя секуляризация дает начало светскому философствованию.

Христианское начало русской философии оправдывает медленное пробуждение славяно-русского логоса, долгое (вплоть до второй половины XVIII в.) «философское молчание». Обоснованные патриотические версии такого философского «запаздывания» восточнославянской философии представлены Д. С. Лихачевым [5], В. В. Зеньковским [1], Г. В. Флоровским [6].

Академик Д. С. Лихачев исследовал единую восточнославянскую духовность «в пределах до XVI в.». Показал, что способом ее бытия является древнерусская литература. В ней и проявлялись «общие умственные течения», складывалась русская философия. Ученый констатирует, что русской литературе без малого тысяча лет, и поэтому она является одной из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X века, а из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой». «В течение многих веков русская философия теснейшим образом была связана с литературой и поэзией. Поэтому изучать ее надо в связи с Державиным, Тютчевым, Владимиром Соловьевым, Достоевским, Толстым, Чернышевским» [5].

Историк русской философии В. В. Зеньковский полагает, что «кроме языковой изолированности, отсутствия прямых связей с античностью, наконец, кроме вековой подозрительности к Западу, который постоянно стремился церковно подчинить Россию Риму, – была в церковном сознании русском, в стиле и типе “русской веры” дополнительная причина медленного пробуждения “логоса” в церковном сознании. Период “молчания” был периодом накопления духовных сил, а вовсе не дремоты духовной» [1, т. 1,

с. 39–40]. В церковном русском сознании не было пустоты, но имело место развитие в пространстве священной истории, затем – вне всякой истории, далее – внутри себя. «А тот факт, что христианство появилось на Руси тогда, когда в Византии уже закончилась эпоха догматических движений, объясняет нам, отчего русское религиозное сознание воспринимало христианскую доктрину, как нечто завершенное и не подлежащее анализу» [1, т. 1, с. 41]. При этом русская философия выражалась в иконописи как богосмыслии, как «умозрении в красках», проявлялась и в агиографии, книжности, трактовке святоотеческого учения православными богословами.

Историк русского богословия Г. В. Флоровский (1893–1979) утверждает, что богословские ретроспекции подчеркивают творческую развитость и духовное богатство Византии в X в. христианизации Руси и, следовательно, показывают, что «древнерусский кризис был кризисом культуры, а не бескультурности. Мысленная нераскрытость древнерусского духа есть следствие и выражение внутренних трудностей, или “апорий”. Это был подлинный кризис культуры, кризис Византийской культуры в русском духе» [6, с. 2].

Основные вехи становления и развития русской философии могут быть раскрыты посредством следующих метафор. *Светлый век* (XI–XVII вв.) первоначальной русской философии и православной веры включает в себя киевский период генезиса духовного любомудрия и гуманизма, московский период конституирования богословско-философской мысли, западнорусский период развития духовной философии. *Золотой век* (XVIII–XIX вв.) профессионализации российской философии содержит философию Просвещения, социальные и политические учения, западничество и славянофильство отечественного любомудрия. *Серебряный век* (конец XIX – начало XX в.) русской философии цельного знания продолжился апологетикой духовного опыта и моральной философией в условиях русского зарубежья. *Новый век* (XX – начало XXI в.) российской философии ознаменован возникновением и развитием как марксизма-ленинизма, так и современных социальной и политической философии, методологии науки, философии культуры.

В специальной литературе обоснована и концепция истории русской философии до XVIII в. как философии духовного любомудрия, российской философии – как отечественного любомудрия [3]. Это позволяет избежать крайностей понимания русской философии как религиозной, а российской философии – как научной. В последние годы получила распространение самая лаконичная *периодизация* истории русской философии на допетровский/древнерусский и послепетровский/просвещенческий периоды.

В большинстве современных исследований русская философия рассматривается как явление русскоязычной интеллектуальной культуры, уходящее корнями в богословско-дидактическую литературу Древней Руси. «Ничто так определенно не подтверждает самостоятельность и оригинальность русской философии, как наличность развития. В нем можно проследить диалектическую связность, а не только одну историческую последовательность» [1, т. 1, с. 24].

Что касается существенных характеристик русской философии, то к ним прежде всего относится *онтологизм* как бытийная укорененность и смысло-жизненный поиск. «Предмет русской философии – смыслоискание, метафизическое познание действительности. В равной мере это касается и православия, которое иногда чересчур сближается с русской философией. Но сущность религии выражается в установке на сакрализацию бытия, тогда как философия видит свою задачу в секуляризации познания. Так зарождается философский дискурс, сугубо философское вопрошание о мире и человеке» [3, с. 3]. «Русские философы склонны к онтологизму. Познание признается лишь частью нашего действия в мире. Русский онтологизм выражает не примат реальности над познанием, а включенность познания в наше отношение к миру» [1, т. 1, с. 18].

Ключевая проблема русской философии во всех ее модификациях – это проблема смысла жизни человека. Несравненное интеллектуальное богатство ответов на этот вечный вопрос философии как таковой в достаточной мере подтверждается следующими высказываниями русских философов, вынужденных эмигрантов из советской России, пассажиров «философского парохода» 1922 г. [4, с. 179–183].

«Смысл жизни – в ее утвержденности в вечном», – полагает С. Л. Франк (1877–1950). Ему вторит Н. А. Бердяев (1874–1948) в блестящем исследовании «Самопознание : опыт философской автобиографии»: «Ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени» [7, с. 49]. «Жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом. Совершенство достижимо лишь в бесконечном. Стремление к бесконечному и вечному не должно быть пресечено иллюзией конечного совершенства. Всякая реализация есть лишь символ устремленности к вечности. Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное. Настоящее достижение есть достижение вечности» [Там же, с. 50].

Изучая «вечное в русской философии», философ-эмигрант Б. П. Выше-славцев (1877–1954) именуется его рецепцией эллино-византийской традиции, соотносит с интересом к теме абсолютного. Отмечает, что «центральная для русского философского сознания проблема жизни, смерти и бессмертия стоит в центре всех религий».

Реалистичность в исследовании духовного опыта человека и общества как характерная черта русской философии раскрывается Н. А. Бердяевым следующим образом: «Я не верю в возможность рациональной онтологии, я верю лишь в возможность феноменологии духовного опыта, символически описываемого. Творчество для меня не столько оформление в творческом продукте, сколько полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование» [Там же, с. 207]. «В Западной Европе все проблемы рассматриваются не по существу, а в их культурных отражениях. У нас в России дело шло о последних, предельных, жизненных проблемах, о первичном, а не об

отраженном, не о вторичном» [7, с. 158]. «Моя философия рождается из духовного опыта. Все определяется для меня этим внутренним духовным опытом. Практический же вывод оборачивается обвинением против моей эпохи: будьте человечны в одну из самых бесчеловечных эпох мировой истории» [Там же, с. 295].

Религиозность, соборность, метафизичность русской философии проявляются не только в рассуждениях о вечном, но и в исконно-православном. «Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной. Любая философская система, поставившая перед собой великие задачи познания сокровенной сущности бытия, должна руководствоваться принципами христианства. Ряд русских мыслителей посвятил свою жизнь разработке всеобъемлющего христианского мировоззрения» [2, с. 516], – утверждает пассажир «философского парохода» Н. О. Лосский (1870–1965).

Не с сомнением, а с религиозным мирозерцанием связывает зарождение русской философии и В. В. Зеньковский. Он замечает при этом, что «русская духовная культура до второй половины XVIII в. очень близка по своему стилю к западному средневековью с его основной религиозной установкой. Религиозное сознание неизбежно порождает философское творчество. Философская мысль движется изначальными интуициями, которые уходят своими корнями в религиозное мирозерцание, но несут в себе свои собственные вдохновения» [1, т. 1, с. 13]. «С одной стороны, русская мысль навсегда осталась связанной со своей религиозной почвой; здесь был и остается главный корень своеобразия в развитии русской философской мысли. С другой стороны, вдохновение свободы всегда было дорого русскому уму. Дух свободы никогда не угасал в недрах церковного сознания» [Там же, т. 1, с. 14].

Соборность как характеристика православного духовного опыта также выступает неотъемлемым признаком отечественной философии. «Русскому народу присущ своеобразный коллективизм. У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве, левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения начала XX века – все ищут культуры коллективной, органической, “соборной”, хотя и по-разному понимаемой. И осуществилось лишь обратное подобие этой “соборности” в русском коммунизме» [7, с. 152], – пишет Н. А. Бердяев. «Наиболее близка мне идея Богочеловечества, которую продолжаю считать основной идеей русской религиозной мысли» [Там же, с. 159].

Что касается метафизики всеединства как главного направления русской философии начала XX в., то она представлена в цельном знании о Софии и

Богочеловечестве, в русском космизме. Цельное знание в русской философии означает не только внутреннюю логику системосозидания, но и проявляется в стремлении постичь цельный духовный опыт. «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей. Только собрав в единое целое все свои духовные силы, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей», – утверждает Н. О. Лосский [2, с. 514–515].

«Философские начала цельного знания» В. С. Соловьева увязывают теургию, теософию и теократию; науку, философию и теологию; логику, метафизику и этику. «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, в идеале целостности заключается одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [1, т. 1, с. 20].

Антропологизм русской моральной философии сказывается не просто в приоритете темы человека, но становится сутью ряда учений: «нравственной философии» В. С. Соловьева, «философии христианского творческого антропологизма» Н. А. Бердяева, философии «метафизического иерархического персонализма» Н. О. Лосского и других значительных систем знаний. «Если давать какие-либо общие характеристики русской философии, то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична, не космоцентрична – она больше всего занята темой о человеке. Всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот панморализм, который выразил Лев Толстой, может быть найден почти у всех русских мыслителей» [Там же, т. 1, с. 18], – утверждает В. В. Зеньковский. Кроме того, «русская философия в наиболее своеобразных своих течениях всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования. Это наиболее верно по отношению к Достоевскому как философу, а также к Л. Шестову» [7, с. 107].

Историософия, мессианство и эсхатологизм русской философии бесспорны. Она обращена к вопросу о смысле истории, конце истории. Эсхатологические концепции XVI века перекликаются с утопиями XIX века, с историософскими размышлениями самых разных мыслителей. Это чрезмерное внимание к философии истории коренится в особенностях русской души. Начинается с деятельности Илариона Киевского и старца Филофея, автора философемы «Москва – третий Рим», и далеко не заканчивается спорами славянофилов и западников, марксистов и антимарксистов, коммунистов и инакомыслящих – историософия и попытки осмысления «русской идеи» всегда были в центре отечественной мысли.

Ссылаясь на работу Н. А. Бердяева, отметим следующее. «Русский народ, подобно народу еврейскому, – народ мессианский. В лучшей своей части он ищет Царства Божьего. Трагично для русской судьбы было то, что в революции, готовившейся в течение целого столетия, восторжествовали элементарные идеи русской интеллигенции. Русский культурный ренессанс провалился в эту раскрывшуюся бездну. Деятели русской духовной культуры в значительной своей части принуждены были переселиться за рубеж. Отчасти это была расплата за социальное равнодушие творцов духовной культуры» [7, с. 164]. «Мое понимание христианства всегда было эсхатологическим, и всякое другое понимание мне всегда казалось искажением и приспособлением» [Там же, с. 281]. «Историю я вижу в эсхатологической перспективе. Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский мыслитель и дитя Достоевского. При этом нужно сказать, что у меня никогда не было особенной любви к Апокалипсису. Я исповедую религию духа и твердо на этом стою. Я исповедую активно-творческий эсхатологизм, который призывает к преобразению мира» [Там же, с. 282].

Патриотизм и идеологизм русской философии проявился не только в ходе ее исторического развития, но и в испытаниях эмиграцией философов русского зарубежья. Каждый из них оставил тексты, вдохновленные воспоминаниями о покинутой родине. Так, Н. А. Бердяев писал: «Русский национализм был для меня максимально неприемлем. Но сам я горячо люблю Россию и верю в великую, универсалистическую миссию русского народа. Я не националист, но русский патриот» [Там же, с. 261].

По утверждению А. Ф. Замалева, «в отношении к русской философии преобладающей тенденцией всегда оставался идеологизм. В результате русская философия превращалась в подмости для идеологических декораций, которые менялись в зависимости от политической конъюнктуры. Объективное историческое исследование не может игнорировать ни того, что русская философия глубоко укоренена в православно-христианской традиции, ни того, что ее связывают кровные узы с западноевропейской мыслительностью» [3, с. 5].

Социальная доминанта русской, но в особенности российской философии присутствует как в самобытно-русской, так и в творчески рецептированной мысли. Главным образом XVIII и XIX века ее развития показали идеологию русского Просвещения и вольтеризма; радикализм и декабризм; разночинство и народничество; кантианство и гегельянство; русский марксизм Г. В. Плеханова, А. А. Богданова, В. И. Ленина. «Марксизм увлек на первых порах людей самых разных ориентаций – от промышленных пролетариев до университетских профессоров; всем им казалось, что найдена окончательная истина, и социализм из народнической утопии превратился в научную теорию. Однако судьба марксизма на русской почве не была однозначной: он прошел через целую серию идейных превращений, закрепившись в трех основных формах: ортодоксальной, позитивистской и

большевистской» [3, с. 184–185]. «Апелляция к практике как критерию истины стала едва ли не главной причиной дефилософизации, достигшей предельной черты в сталинизме» [Там же, с. 192].

Вместе с тем славянофильство и западничество, рассуждения о духовных основах общества в пределах социальной философии разнообразят ее позитивистские интенции. Так, С. Л. Франк полагает, что главными темами отечественной мысли являются философия истории и социальная философия с ключевым словом *правда*, в котором сливаются истина и справедливость. В понимании общества мыслитель ориентируется на его духовную основу, в качестве которой выступает триединство: солидарность, свобода, служение.

Эстетизм и литературоцентризм русской философии известны от времен софийской книжности, агиографии и иконописи до времен таких властителей дум, как А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, а в советское время Б. Л. Пастернак, А. А. Ахматова и др. В особенности писатели-классики Ф. М. Достоевский (1821–1881) и Л. Н. Толстой (1828–1910) стали выразителями отечественной мысли и глубоко повлияли на современную интеллектуальную культуру, отечественную и мировую.

Философская позиция Ф. М. Достоевского носит название «почвенничество» и выражает цель мирного объединения высших слоев общества с «почвой» как русским народом, который живет православием, сохраняя христианские идеалы «всебратского единения в любви». «Не в коммунизме заключается социализм народа русского. Он верит, что спасется лишь всесветным единением во имя Христово». Отсюда и «всемирная отзывчивость» русской души, которую многие исследователи называют причиной подражательного характера русской философии. Рассуждая о «тайне человека» и «подполье человека», писатель подчеркивает «демоническое» и «божественное» в нем. Душа человека – поле битвы добра и зла: в человека «надо выделаться». «Полифонический роман» Ф. М. Достоевского стал предметом творческого осмысления литературоведа и философа М. М. Бахтина (1895–1975) и привел к открытию философии диалога, имеющей мировой резонанс.

Философские воззрения Л. Н. Толстого включают в себя историософию («история – это жизнь народов и человечества в целом, столкновение свободы и необходимости»), моральную философию, религиозное проповедничество. Он является автором парадигмы ненасилия, широко востребованной в современном обществе.

Академическая форма самовыражения русской философии напрямую связана с ее бытованием. На эту особенность отечественного мировоззрения обращает пристальное внимание выдающийся историк русской философии В. В. Зеньковский. Он посвящает несколько глав своего исследования философии XIX в. в светских и духовных высших школах: Московском университете, духовных академиях, гегельянских кружках. Называет имена и рассматривает учения университетских профессоров и богословов. Духовно-академическая философия проанализирована и А. Ф. Замалеевым. Он отмечает,

что в XIX в. «в академиях сосредоточились значительные философские силы, такие как Ф. Ф. Сидонский и В. Н. Карпов – в Петербургской; Ф. А. Голубинский и В. Д. Кудрявцев-Платонов – в Московской; П. Д. Юркевич – в Киевской; В. И. Несмелов – в Казанской. Их влияние отразилось не только на учениях славянофильства, но и течениях «русского духовного ренессанса» конца XIX – начала XX в.» [3, с. 244].

Таким образом, *предметный статус* русской философии как феномена мировой интеллектуальной культуры, отмеченного идейным и концептуальным своеобразием, определяется в отечественной истории и культуре взаимовлиянием трех направлений *русскоязычной* философии как философии русской, российской, белорусской. *Русская* философия возникла во времена и в результате христианизации Руси и одновременного обретения ею государственности, церковности, письменности, книжности. Далее развивалась как религиозная философия в различных ее модификациях и прошла в течение Светлого века (XI–XVII вв.) киевский период генезиса (любомудрие, философия оязыченного христианства, гуманистическая философия) и московский период конституирования богословско-философской мысли. Профессионализация *российской* философии в Золотом веке (XVIII–XIX вв.) ее развития сменилась Серебряным веком (конец XIX – начало XX в.) духовного возрождения и возникновением *философии русского зарубежья*. Новый век (XX – начало XXI в.) русскоязычной философии раскрывает современные научные интенции ее самопознания.

Существенными характеристиками русскоязычной философии выступают: онтологизм как «смыслоискание»; реалистичность в исследовании духовного опыта человека и общества; религиозность, соборность и метафизичность; антропологизм моральной философии; историософия, мессианство и эсхатологизм; патриотизм и идеологизм; социальность и поиск справедливости и правды; эстетизм и литературоцентризм; академическая форма самовыражения; эпистолярная и трактатная традиции; творческий характер заимствований идей западных мыслителей и оригинальность.

«Русская философия всякий раз обновляется и возрождается в новой исторической перспективе, в соответствии с идеалами той или иной эпохи» [3, с. 8], находясь в поиске «единства духовной жизни на путях ее рационализации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с. ; Т. 2. – 540 с.
2. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Высш. шк., 1991. – 559 с.
3. Замалеев, А. Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.) / А. Ф. Замалеев. – СПб. : Летний сад, 2001. – 398 с.
4. Севостьянова, Н. Г. Русская философия : основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.

5. Лихачев, Д. С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – М. : Современник, 1987. – 299 с.
6. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Репринт. изд. – Париж, 1937; Киев : Путь к истине, 1991. – 600 с.
7. Бердяев, Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.

Поступила в редакцию 26.03.2020

В. Н. Усокый

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье исследуется анархо-либертарианское мировоззрение, построенное на идее техногенного прогресса, из которого вытекают футуристические представления, предложившие образ виртуальной (имитационной) реальности в рыночной экономике. Ставя под сомнение необходимость иерархии общества и права исключительного суверенитета государства, анархо-либертарианство, игнорируя факты, создает виртуальную реальность альтернативного будущего, драйвером которого является развитие информационно-коммуникативных технологий. Автором доказывается тезис о том, что методология футуризма и модель виртуальной реальности в рыночной экономике являются внутренне противоречивыми.

Специалисты IT-сферы ментально примыкают к анархо-либертарианской традиции. Они стоят в авангарде процесса формирования цифровой среды в рыночной экономике, ими создана криптовалюта, которая является антиподом кредитных денег и банковской системы. Они воспринимают экономику и общество через смысловой и терминологический аппарат сферы информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Техногенное мировоззрение при отрицании иерархии общества и государства придает эмпирической действительности признаки виртуальной (имитационной) реальности, которая стремится к доминированию над экономической жизнью. Рассмотрение человеческого социума через призму *виртуального сознания* определяется живостью игрового воображения *цифрового человека* информационной эпохи вооруженного ИКТ. Это расширяет его возможности в сфере конструирования виртуальной реальности, имеющей признаки компьютерной игры, толкает цифрового человека к выходу за пределы эмпирической действительности в *неиерархический мир инобытийной инаковости*.

Терминологический аппарат сферы ИКТ оказал влияние на введение множества новых слов – аналоговая и цифровая экономика, экспоненциальный рост технологий и экономики, экспоненциальное мышление, криптовалюта. Они теснят традиционные термины – рыночная экономика, бизнес-цикл, кредитные деньги, банковская система, налоги и расходы госбюджета. К сожалению, многие новые слова, которые начали применять в экономике (например, экспоненциальный рост технологий и экономики, а в теории